

Старый Лю неотступно следовал за маркизом Линем, записывая слова Линь Цзиньчжи прямо у него на ладони.

Тело маркиза одеревенело, он не мог вымолвить ни слова.

— Я лишь хотел, чтобы ты был здоров всю свою жизнь! Ваше Величество погубит тебя!

Линь Цзиньчжи поджал губы:

— Ваше Величество не желает мне смерти. У него были тысячи способов расправиться со мной. Даже когда лекарь Е набросился на меня с клинком, именно он защитил меня, выбив оружие из рук лекаря, и заявил, что моя жизнь принадлежит лишь ему, и никто не смеет на нее посягнуть.

Лицо маркиза Линя исказилось:

— Но он принуждал тебя! Он даже заставил тебя пойти на такое!

— Я тоже принуждал его. В этом вопросе мы квиты, никто никому не должен.

Маркиз Линь, не ожидавший, что Линь Цзиньчжи мог сотворить подобное с Чу Янем, на мгновение лишился дара речи и широко распахнул глаза.

— Подобные вещи... это ведь не подобающий путь, — запал маркиза начал угасать.

Линь Цзиньчжи внезапно ощутил невыносимую усталость и посмотрел на него с ледяным равнодушием:

— Ты не мой отец. Кто ты такой, заблудшая душа, вселившаяся в это тело? Мой отец в детстве был преданным и любящим свою страну человеком.

Услышав, что Линь Цзиньчжи не доверяет ему, маркиз Линь заговорил с тревогой:

— Цзиньчжи, может, ты не поверишь, но со мной произошли странные вещи. Я проснулся и обнаружил, что вернулся в те времена, когда ты был ребенком... Мне снилось, что род Линь приходит в упадок, а ты помогаешь наследному принцу захватить трон, но не находишь расположения у Его Величества.

Он наговорил много слов, которые Линь Цзиньчжи были совершенно непонятны.

— Ты хочешь сказать, что тебе это приснилось?

Маркиз Линь решил, что Линь Цзиньчжи поверил ему, и торопливо закивал:

— Да! Именно, мне это приснилось!

— И только из-за этого ты решился на такое? Отправил наемных убийц, чтобы покушаться на Его Величество? — Линь Цзиньчжи так сильно сжал кулаки, что пальцы побелели. — Ваше Величество давно знал, что это люди рода Линь! И несколько лет назад, когда ты посылал людей, он тоже всё знал!

— ...

— Покушение на императора — это преступление, караемое казнью всей семьи. Ты вовсе не

помогаешь роду Линь, ты толкаешь его в бездну позора! Мой отец никогда не поступил бы так из-за какого-то сна. Кто... кто ты такой?! — Линь Цзиньчжи смотрел на маркиза с невыразимым смятением.

Сердце маркиза Линя бешено заколотилось, дышать стало трудно, он словно попал в ловушку собственных кошмаров.

Кто он такой?

Если он не Линь Цзинпин, то кто же тогда?

Видя, что тот не может вымолвить ни слова, Линь Цзиньчжи сжал руки:

— Старый Лю!

— ...Я здесь, господин.

— Отвези маркиза в загородное поместье! Это место не для него! Ты отправишься с ним и больше не вернешься.

Он больше не называл его отцом, лишь титулом. Старый Лю почувствовал, что услышал нечто ужасающее, и при взгляде на маркиза его охватил страх. А слова Линь Цзиньчжи о том, что возвращаться не нужно, сквозили такой жадой крови, что у старика задрожали колени.

— Что случилось?

Старый Лю рухнул на колени перед Линь Цзиньчжи, заливаясь слезами:

— Господин, умоляю, можно ли мне не ехать в деревню с маркизом?

Тон Линь Цзиньчжи был ледяным:

— Если бы не твоя помощь в передаче вестей, как бы наемники смогли подобраться к Его Величеству?

Старый Лю затрясся:

— Я лишь передал приказ, но когда маркиз тайно беседовал с наемниками, меня там не было! Если бы я знал о таком преступном замысле, я бы обязательно доложил вам, господин!

Линь Цзиньчжи не желал слушать оправдания, этот старый слуга вызывал у него лишь отвращение.

— Если не хочешь в деревню, я могу сделать с тобой то же, что и с маркизом.

Сделать то же, что с маркизом? Стать глухим и слепым, до конца дней завися от других, чтобы узнавать новости?

Старого Лю пробрала дрожь, и он мгновенно умолк.

Линь Цзиньчжи развернулся и вышел, оставив маркиза и слугу наедине.

Маркиз Линь словно постарел на десять лет. Молча, он последовал за старым Лю в загородное поместье.

Всю жизнь он был самонадеянным, но впервые подумал: неужели он совершил ошибку?

Линь Цзиньчжи был прав: кто он такой, эта заблудшая душа, и чего стоили все те воспоминания?

Всё пошло совсем не так, как в прошлой жизни, а он упрямо пытался следовать тому сценарию.

Тот, кто оказался в оковах — это он сам.

Позже, в деревне, старый Лю, видя, что они оказались в этой глуши, стал вести себя всё наглее и даже начал издеваться над маркизом.

Маркиз Линь, будучи глухим и слепым, не мог позаботиться о себе и полностью зависел от слуги, который теперь всячески его унижал.

Он дрожал от ярости, проклиная старого Лю днями напролет, что лишь вызывало новые издевательства.

— Это всё ты! Если бы не ты, старый негодяй, разве сослал бы меня господин в такую дыру? Глушь! А ведь мой сын сдал экзамен на звание цзюйжэня!

— То, что твой сын стал цзюйжэнем — чья это заслуга? — Маркиз Линь едва не харкал кровью от ярости; зря он тогда помог этому неблагодарному щенку.

Маркиз Линь впервые в жизни познал, каково это — быть преданным тем, кому доверял.

Когда-то старый Лю, ползая перед ним на коленях, умолял дать шанс его сыну, и маркиз, помня о верной службе старика, согласился.

Маркиз Линь горько раскаивался, ударяя себя в грудь.

Как же обидно! Этот старый раб посмел так обращаться с ним?

Он не заслужил такого предательства!

Поведение старого Лю становилось всё более вызывающим: он считал, что это маркиз погубил его жизнь, заставив коротать старость в заточении. Он измывался над маркизом всё сильнее.

Пока однажды маркиз Линь, не выдержав, в порыве гнева не убил старого Лю.

Ворвавшиеся чиновники обвинили его в убийстве.

Вспоминая свою жизнь, маркиз Линь рыдал навзрыд, слезы текли по его лицу.

Он понял, что был неправ, и наконец осознал, какую боль причинил Чу Яню.

Быть преданным тем, кому доверяешь больше всего — это невыносимая мука.

Впрочем, всё это было уже потом.

—

Когда жар спал, Чу Янь снова открыл глаза.

Линь Цзиньчжи уже долгое время дежурил у его постели и, увидев, что Чу Янь пришел в себя, радостно бросился к нему:

— Ваше Величество! Вы наконец проснулись!

Но Чу Янь отвел взгляд, ему совсем не хотелось видеть Линь Цзиньчжи.

Линь Цзиньчжи, будучи невероятно проницательным, побледнел.

— Я устал.

Он наконец не выдержал...

Наконец решил оставить всё позади.

[Уровень раскаяния Линь Цзиньчжи: пять звезд.]

[Через три дня покинете этот мир.]

[Фух... это конец?]

[Да, осталось три дня. Задание выполнено, хозяин может делать всё, что пожелает.]

[...Ты вдруг разрешаешь мне подучиться? Я удивлен.]

[Задание завершено, теперь время не ограничено рамками миссии. Как хочешь.]

Глаза Чу Яня блеснули, но актерская игра осталась безупречной: [Я хочу уйти красиво~ даже умирая, нужно сохранить эстетику!]

— Ваше Величество, у вас всё еще жар, пожалуйста... отдохните.

Чу Янь не хотел продолжать разговор, его сотряс сильный кашель.

Линь Цзиньчжи не отходил от него ни на шаг. Все эти дни Чу Янь горел в лихорадке.

Даже лекари были бессильны.

Казалось бы, всё возможное было сделано, но жар не спадал, а Чу Янь изо дня в день харкал кровью.

Лекарь даже намекнул ему... что дни Чу Яня сочтены.

Линь Цзиньчжи охватил ужас, но всё развивалось именно так, как он больше всего боялся.

Однажды Чу Янь ослаб настолько, что стал проваливаться в сон всё чаще.

Неужели... всё будет так, как сказал лекарь? Чу Янь покинет его?

Сердце Линь Цзиньчжи разрывалось от боли.

Как только Чу Янь просыпался, его мучил кровавый кашель. Лучше уж ему спать, по крайней мере, он не будет так страдать.

— Где мой кисет? Кто-нибудь, помогите мне найти кисет!

Линь Цзиньчжи охрипшим голосом вложил кисет в руку Чу Яня:

— Вот он, рядом с вашей подушкой! Никто его не трогал!

Чу Янь схватил кисет и прижал к груди:

— Ты мне не нужен.

Если не нужен, почему же он так крепко держит этот кисет?

Ваше Величество, до каких пор вы будете обманывать себя?

Линь Цзиньчжи выдавил из себя улыбку:

— Разве не вы сами сказали, когда лекарь Е напал на вас, что моя жизнь принадлежит вам?

Чу Янь зашевелил губами, но не смог произнести ни слова.

Тело изнывало от боли, он снова начал кашлять так сильно, словно хотел выплюнуть легкие.

— Уходи.

— ...Хорошо, Ваше Величество, отдыхайте. Я удаляюсь.

Чу Янь наконец погрузился в сон.

Линь Цзиньчжи долго сидел рядом, прежде чем медленно подняться.

Снаружи весна была в самом разгаре, середина четвертого месяца принесла долгожданное тепло. Цветы распустились во всем великолепии. Он вспомнил, как в такие же дни много лет назад пил вино с Хань Чжэном.

Теперь Хань Чжэна больше нет, он погиб, защищая императора.

Линь Цзиньчжи, охваченный тоской, поднял взгляд на цветущую яблоню. Лепестки осыпались на ступени, словно красный снег, лениво раскрываясь на ветках. Он помнил, что Хань Чжэн и Его Величество были в чем-то похожи: они не любили вычурные цветы, предпочитая цветущие деревья, вроде груши или яблони.

Весна, которую они встречали вместе, ушла безвозвратно.

Вернуться в прошлое было уже нельзя.

Глава 21

Состояние Чу Яня становилось всё хуже.

С каждым днем он слабел.

Кровавый кашель усиливался, очевидно, времени оставалось совсем мало.

Однако он, казалось, предвидел это и, пока был в сознании, оставил указ — назначить князя Синя наследником престола.

При дворе поднялся шум, но никто не осмелился возразить.

Ведь ранее император уже повелел князю Синю контролировать государственные дела, да и к тому же все остальные братья правителя погибли, кто же еще мог занять трон, кроме князя Синя?

Князь Синь переехал во дворец и, видя, как Чу Янь с каждым днем забывает обо всем, испытывал невыносимую боль.

А Линь Цзиньчжи в это время подал прошение, предлагая Чу Яню переехать за пределы дворца, в более уединенное место, где было бы легче поправляться.

Князь Синь понимал, что дворец для Чу Яня — словно клетка, и, хоть ему было тяжело расставаться, он согласился с доводами Линь Цзиньчжи.

Новое поместье действительно было тихим, князь Синь долго выбирал его, надеясь хоть так проявить заботу о брате.

Линь Цзиньчжи перестал посещать двор, проводя всё время рядом с Чу Янем.

Вспоминая былое, он принес однажды вино с османтусом и протянул Чу Яню.

— Ваше Величество, вкусное вино?

Чу Янь словно отгородился от мира, Линь Цзиньчжи звал его, но тот смотрел куда-то вдаль.

Линь Цзиньчжи чувствовал невыносимую боль, вспоминая, как в юности видел юношу, грациозно стоявшего под цветущей яблоней.

Он купил вино с османтусом, чтобы выпить с ним.

В глазах того юноши всегда была мягкость и легкое восхищение.

Но теперь... его сердце было мертво, ничто не могло его тронуть.

Линь Цзиньчжи стиснул зубы, и слезы скатились по щекам. Неужели это его вина, что Его Величество стал таким?

Заметив его слезы, Чу Янь повернул голову:

— Почему плачешь?

— Разве вы не хотели меня видеть?

Чу Янь: — ...

Линь Цзиньчжи вздрогнул, тело его затряслось, но в конце концов... он улыбнулся еще шире.

Больно или нет, нужно улыбаться.

Ведь даже в таком состоянии кто-то всё еще беспокоится о его чувствах.

— Ваше Величество, выпьете еще чашу?

Чу Янь смотрел на чашу, ничего не отвечая.

Весенний дождь, подобный вину, начал накрапывать, затягивая небо серой дымкой. Линь Цзиньчжи поспешно увел Чу Яня в беседку, но капли дождя успели намочить их, принеся прохладу. Вино должно было согреть, но это тепло быстро развеялось весенней сыростью.

Линь Цзиньчжи первым делом посмотрел на Чу Яня и тихо спросил:

— Ваше Величество, вам холодно?

В руках Чу Яня что-то было, Линь Цзиньчжи хотел взглянуть, но понял, что это чаша.

Чу Янь так и держал ее, поднеся к губам:

— ...Пей.

Линь Цзиньчжи не сдержал слез, взял чашу с вином, смешанным с дождем, и выпил всё до дна.

Хотел купить османтусовое вино, чтобы снова отправиться в путь, но уже не вернуть те юные дни.

[Задание выполнено, идет извлечение.]

[Выбрать сохранение мира? Примечание: у хозяина всего три попытки сохранения, одна уже использована. Сохранить этот мир?]

[Нет.]

[Принято.]

Чу Янь случайно опрокинул вино, оно потекло по столу.

Линь Цзиньчжи вздохнул и принялся вытирать стол.

— Ваше Величество, почему вы так смотрите на меня?

Чу Янь знал, что дни его сочтены, и, несмотря на то, что Линь Цзиньчжи был невыносим, он хотел еще раз взглянуть на его лицо.

Как же нелепы эти чувства.

Чу Янь вдруг захотел спросить начистоту:

— Ты узнал, что натворил маркиз Линь?

— Узнал.

Лицо Чу Яня побледнело, последняя капля надежды рухнула.

Линь Цзиньчжи смотрел на него:

— Раньше я не знал, но теперь знаю.

— Раньше?

— Да.

Сердечный узел, мучивший Чу Яня долгие годы, наконец развязался, и он улыбнулся, радуясь, что перед смертью задал этот вопрос.

Значит... он не пытался обмануть его намеренно?

Значит, всё это было делом рук одного лишь маркиза Линя.

Глаза Чу Яня наполнились слезами. Почему же всё зашло так далеко?

Как бы то ни было, времени оставалось мало:

— Цзиньчжи, ты знаешь, куда отправился мой брат?

Линь Цзиньчжи запнулся:

— ...Почему вы спрашиваете?

— Он говорил... говорил, что не уйдет в Желтые источники, а будет преследовать меня из жизни в жизнь. Как думаешь... если умерший не идет в Желтые источники, куда он попадает?

Линь Цзиньчжи понимал, что это стало главной болью Чу Яня, и молча обнял его.

Чу Янь одарил его бледной улыбкой:

— Цзиньчжи... мне страшно.

Линь Цзиньчжи с невыносимой болью в сердце прижал его к себе:

— Я буду с вами день и ночь, Ваше Величество. Если вам страшно, держитесь за мою руку, хорошо?

Услышав это, Чу Янь замолчал, выражение его лица вернулось к прежнему.

Весенний дождь косо падал на землю, Чу Янь смотрел на него, погружившись в свои мысли. Дождь омывал его, и, как ни странно, ему стало немного легче.

Спустя долгое время Линь Цзиньчжи услышал тихий голос:

— Линь Цзиньчжи, я больше не ненавижу тебя.

Любовь или ненависть — всё это слишком утомительно.

—

Каков был конец Линь Цзиньчжи, Чу Янь уже не знал.

Его извлекли из того тела, и он вернулся в пустое пространство.

[Подсчет баллов: Линь Цзиньчжи — 10 000 очков за успешное прохождение, Хань Чжэн — 2 000.]

[...Всего две тысячи!]

[Две тысячи — это уже неплохо, он вообще не был целью задания, к тому же — твой бывший]

соперник в любви!]

Чу Янь расплылся в улыбке:

— Знаю, знаю, давай скорее следующее задание.

[Не спеши, я хочу скачать у Главного Бога кое-что по педагогической психологии.]

Чу Янь дернул уголком рта:

— ...У тебя появились дети?

[Хочу почитать тебе!] — повторила Система.

Чу Янь: — ...

[Я скачала несколько книг по психологии. Почитаю тебе названия: «О природе психологического позерства», «Анализ личности с сильной потребностью в самовыражении».]

— погоди! Где у меня потребность в самовыражении?! — возмутился Чу Янь.

[«Я хочу уйти красиво», «Такая прекрасная сцена, он запомнит ее на всю жизнь», «Именно потому, что красота драгоценна, ее потеря приносит невыносимые страдания», «Разве тебе не кажется, что красота вызывает желание ее разрушить?»] — Система перечисляла его слова, как по списку.

Чу Янь внезапно умолк и закрыл лицо руками.

[...Что случилось?]

Чу Янь ответил с самым серьезным видом:

— Не ожидал, что я такой глубокий мыслитель!

[...] Вдруг решил подурочиться, да?

— Скорее в следующий мир, я уже не могу ждать!

[Тебя совсем не интересует... какой конец ждал князя Лина и Линь Цзиньчжи?]

Чу Янь хмыкнул:

— Я здесь, чтобы исполнить желание хозяина тела, какое мне дело до них?

Бессердечный!

Система вдруг заинтересовалась: [Если бы пришлось выбирать между князем Лином и Линь Цзиньчжи, кого бы ты выбрал?]

— ...К чему такие скучные вопросы? Разве это не дело Сяо Чэня?

[А если ты?] — вопрос Чу Яня разжег любопытство Системы.

Чу Янь на мгновение задумался и тихо рассмеялся:

— Я выбрал бы князя Лина.

[!!!]

Чу Янь хихикнул:

— Не стоит так удивляться. Мне нравится любовь, доведенная до предела, даже если она искажена — в моих глазах это прекрасно.

Система: [...]

— Сразу оговорюсь! Я не мазохист. Если бы я попал в тело Сяо Чэня в детстве, я бы ни за что не выбрал князя Лина. Но раз уж он меня заточил... возможно, я бы выбрал его.

[Почему?]

Чу Янь вздохнул:

— Еще не понятно? Конечно, потому что... я тоже мужчина и люблю доминировать. Ладно, хватит об этом, всё равно меня это не касается, скорее в следующий мир.

Система молча отступила, проглотив то, что хотела сказать.

Ладно, ладно, подожду подходящего момента, чтобы поговорить с Чу Янем.

[Запуск процесса, вход в следующий мир —]

Под звуки электронного сигнала Чу Янь медленно закрыл глаза.

Знакомая тьма поглотила его, сознание должно было затуманиться при переносе, но резкая, пронзительная боль заставила его мгновенно прийти в себя.

Чу Янь с трудом открыл глаза и обнаружил, что окружение его шокирует.

Стоял лютый холод, хлопья снега кружились в воздухе, всё вокруг было ослепительно белым.

Земля была укрыта серебром, голые ветви деревьев, покрытые льдом, выглядели особенно уныло.

Это была тюрьма, под ногами — мокрая, зловонная солома. Воздух был спертым, повсюду чувствовался запах дохлых крыс, Чу Янь невольно нахмурился.

— Я надеюсь, ты умрешь вместо него.

[Хозяин подключается.]

[Система вносит коррективы, показатель красоты увеличен на 100%.]

Чу Янь поднял взгляд на человека. Тот выглядел утонченно, словно бамбук, возвышаясь над ним. В скудном свете Чу Янь разглядел его лицо: красивое, благородное, от него веяло книжной мудростью ученого.

Чу Янь широко открыл глаза, и в следующий миг ему влили в рот чашу с ядом.

Чу Янь не стал раздумывать и сразу вошел в роль:

— Значит, последняя польза, которую я могу принести господину — это умереть вместо него?

Цзи Чжиюнь внезапно замолчал, не проронив ни слова.

Глядя на него, Чу Янь издал горестный смех:

— Я понял.

Провожая взглядом удаляющуюся фигуру Цзи Чжиюня, Чу Янь почувствовал, как внутри него разгорается невыразимая ярость, словно пламя, которое невозможно потушить.

Он вдруг ощутил жгучую ненависть и странную, необъяснимую скорбь, нахлынувшую на сердце.

<http://bllate.org/book/22166/2309065>